

зуются) и опрос (интервью) остаются ведущими методами исследования.

Никак нельзя согласиться с тезисом, что сообщения информантов менее ценны, чем непосредственное наблюдение (с. 57). Дело в том, что наблюдение позволяет зафиксировать различия явлений, отмечаемые на этном уровне, когда категоризация их производится в сознании наблюдателя. Различия же эмного характера, проводимые в сознании самих этнофоров, как правило, фиксируются только путем их опроса. А ведь само собой понятно, что код культуры может быть понят только на эмном уровне. Это различие (или, во всяком случае, упоминание) не проводится в той части статьи Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова, которая посвящена методическим вопросам, что является, на наш взгляд, существенным упущением авторов.

А. М. Решетов

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕТОДОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова «Этнография: место в системе общественных наук, школы, методы» имеет две задачи: первая — обсудить основные идеи очередного раздела словаря этнографических понятий и терминов, который готовится советскими и немецкими учеными; вторая — оценить сложившееся соотношение этнографии со смежными науками, ее методикку с позиций нынешнего уровня этнографических исследований с учетом исторических уроков, а также наметить перспективы дальнейшего развития этнографической науки. Таким образом, статья представляет попытку рассмотреть ряд принципиально важных вопросов. Учитывая дискуссионный характер публикации, хотелось бы обратить внимание на спорные или неточные трактовки.

В качестве основного ядра предметной области этнографии авторы выделяют слой культуры в широком смысле этого слова, выполняющий этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовую культуру. Вместе с тем удивляет сильно зауженное понимание традиционно-бытовых компонентов культуры: обычаи, обряды, народное искусство, устное творчество и т. п., особенности которых отличают один этнос от другого (с. 46).

Об этой статье порой трудно говорить прежде всего в силу некоторой ее фрагментарности. Вот один небольшой, но показательный, с моей точки зрения, пример. Авторы приводят точку зрения известного советского этнографа Д. К. Зеленина: «...эту современную картину мы стремимся осветить историческими данными и в своих разысканиях идем от настоящего к прошлому, пытаемся, так сказать, раком в глубь истории»¹. И тут же, хотя и в сноске, добавляют, что «спустя более полувека после этого тот же вывод был сформулирован Ян Кунем» (с. 47). Как будто, на первый взгляд, здесь все правильно. Но уверены ли авторы, что до Д. К. Зеленина никто не высказывал этой мысли или по крайней мере фактически не придерживался такой методики, и уж во всяком случае между 1913 и 1984 г., когда Ян Кунь опубликовал свою работу. Скорее, в поле зрения Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова попали работы этих двух крупных ученых.

¹ Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных. СПб., 1913. С. 4; *его же*. Очерки русской мифологии (Введение). Пг., 1916. Вып. I. С. 16; Гаген-Торн Н. И., Васина А. И. Ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина // Тр. Ин-та этнографии АН СССР (ТИЭ) М., 1971. Т. 95. С. 171—180.

Авторы справедливо отмечают, что в начале 1930-х годов получил распространение взгляд на этнографию как на историческую дисциплину, критикуют появившееся тогда определение этнографии как «вспомогательной исторической дисциплины» (с. 45). И вместе с тем это не совсем так. Директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР, один из признанных лидеров этнографической науки того времени Н. М. Маторин писал по этому поводу следующее: «Совещание 1929 г. провозгласило, что этнография есть наука историческая. Но оно все же не дало окончательно отточенных формулировок, и последующие два года этнографы неизменно возвращались к вопросу о предмете и методе своей науки»². Вот как характеризует деятельность Н. М. Маторина С. М. Абрамзон в своей статье «Советская этнография в начале 30-х годов (из записок этнографа)»: «Можно с полным правом сказать, что Н. М. Маторин в начале 1930-х гг. был душой всех начинаний в области этнографии в Академии наук СССР. Обладал блестящими организаторскими способностями, чутко улавливал „пульс времени“, имел глубокую теоретическую подготовку; Н. М. Маторин — энтузиаст, влюбленный в науку — сумел сплотить вокруг себя всех, кто считал себя этнографом или хотел им стать»³.

Следует иметь в виду, что этнографы исходили из положения К. Маркса о существовании лишь одной науки — истории, которая толковалась расширительно как история природы и история человеческого общества⁴. Именно в таком понимании этнографы видели один из путей решения задачи «перестройки этнографического исследования на основе марксистско-ленинского метода и в тесной увязке с социалистическим строительством среди многочисленных народов Советского Союза»⁵. В резолюции Всероссийского археолого-этнографического совещания 7—11 мая 1932 г. прямо утверждалось: «Построение этнографии как самостоятельной науки, с особым предметом и методом изучения, противостоящей или равноправной истории, противоречит марксистско-ленинскому учению о диалектике исторического процесса, который представляет закономерную смену ряда общественно-экономических формаций»⁶. Но тут же в статье «От редакции», подводящей итоги этого совещания, категорически утверждается: «Будущее советской этнографии обеспечено, но нужно работать, работать и работать!»⁷. В феврале 1933 г. в Ленинграде был создан Институт антропологии и этнографии, в 1935 г. переименованный в Институт этнографии АН СССР. Вопрос о месте этнографии среди общественных наук был животрепещущим; делались попытки подробно проанализировать ее предмет и метод, определить границы ее размежевания с родственными дисциплинами⁸. Редакция журнала «Советская этнография» в своем первом номере⁹ писала: «Необходимо скоординировать работу этнографов с усилиями специалистов *сопредельных дисциплин* — истории, археологии, лингвистики, фольклора, антропологии»¹⁰ (курсив мой.— А. Р.). Это высказывание я привожу для того, чтобы показать, что в 1930-х годах — эпохе дискуссий, поисков, утверждения марксистско-ленинского метода в науке, не было по крайней мере всеобщего отождествления этнографии и истории.

² Маторин Н. М. Современный этап и задачи советской этнографии // Сов. этнография. 1931. № 1—2. С. 8. В этой работе, правда, с позиций того времени, дан обзор различных точек зрения по рассматриваемому вопросу.

³ См. Сов. этнография. 1976. № 4. С. 90.

⁴ Там же.

⁵ От редакции // Сов. этнография. 1931. № 1—2. С. 1.

⁶ Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7—11 мая 1932 года (По докладам С. Н. Быковского и Н. М. Маторина об археологии и этнографии) // Сов. этнография. 1932. № 3. С. 12.

⁷ Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания. От редакции // Сов. этнография. 1932. № 3. С. 3.

⁸ Подробнее см.: Маторин Н. М. Указ. раб. С. 8, 11—24.

⁹ До этого журнал назывался «Этнография».

¹⁰ От редакции // Сов. этнография. 1931. № 1—2. С. 1.

В обсуждаемой статье нет четкости в вопросе о времени формирования тенденций изучения современности в советской этнографической науке. Едва ли верно утверждение, что после дискуссий конца 1920-х—начала 1930-х годов изучение морфологии и динамики первобытной культуры человечества стало доминировать в советской этнографии (с. 55). В упоминавшемся выше номере «Советской этнографии» писалось о необходимости и возможности расширения связей советских этнографов с массами для конкретной помощи социалистическому строительству. Был провозглашен лозунг: «За марксистско-ленинский метод в этнографическом исследовании! За перестройку рядов советских этнографов для выполнения задач социалистической стройки!»¹¹. Признавая необходимость перестройки советской этнографии, Н. М. Маторин специально характеризовал задачи советских этнографов в связи с конкретными задачами воплощения национальной политики в нашей стране, изучения быта рабочих и колхозников¹². Отнюдь не утверждая, что советская этнография все 70 лет своего существования, с первых лет после Великой Октябрьской социалистической революции занимает правильную позицию в этом вопросе, хотелось бы привлечь внимание к тому бесспорному факту, что это направление и утверждалось, начиная уже с 1920-х годов, и сделано в свое время было немало¹³.

Не могу согласиться с утверждением авторов обсуждаемой статьи, солидаризовавшихся с китайским этнографом Ян Тиншо, о правомерности и необходимости разграничения «Volkskunde» и «Völkerkunde» (с. 54). С. А. Токарев в свое время поставил в заслугу видному немецкому ученому В. Штейницу то, что он в ГДР «особенно много сделал для сближения обеих разошедшихся ветвей этнографии — родниведческой и общей»¹⁴.

Положение Ян Тиншо о невозможности механического использования при исследовании иноэтнической культуры методики, применяемой для изучения своего собственного народа, верно. Более того, можно утверждать, что любую методику механически применять совсем нецелесообразно и даже вредно для науки. Это, по-моему, аксиома для каждого советского ученого, но это вовсе не означает нашей приверженности идее разграничения «Volkskunde» и «Völkerkunde». Утверждение о том, что подобное деление свойственно и Китаю, верно лишь отчасти. Я не знаю общеупотребительных китайских терминов, в которых бы закрепилось это разграничение в китайской науке. Может быть, прежде всего в 1930-е годы, очевидно, под влиянием японской науки для этнографии собственно ханьцев употреблялся термин *миньцзусюе*, а для этнографии всех остальных народов — *миньцзусюе*. Мне представляется, что в Китае этнография прежде понималась как наука, которая изучает не китайские народы (т. е. всех неханьцев), стоящие на более низкой ступени развития, чем ханьцы¹⁵. В Китае поэтому по традиции этнографы занимались преимущественно неханьскими народами. В современных китайских ведущих этнографических изданиях «Исследование народов» («Миньцзу яньцзю»), «Исследования по этнографии» («Миньцзусюе яньцзю») и др. нет статей о ханьцах (китайцах); опубликованы только статьи о других народах Китая. Если бы китайский термин *миньцзусюе* (этнография, этнология) можно было перевести на немецкий язык, то целесообразнее использовать, как мне думается, термин «Völkerkunde» с учетом существующего разграничения двух

¹¹ Там же С. 2.

¹² Маторин Н. М. Указ. раб. С. 24—34.

¹³ См., например: Комсомол в деревне. Л., 1926; см. также общие статьи: Першица А. И., Чебоксаров Н. Н. Полвека советской этнографии//Сов. этнография. 1967. № 5. С. 13—16; Антропова В. В. Участие в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 гг.)//Сов. этнография. 1972. № 6. С. 19—27.

¹⁴ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 340; Штейниц В. Некоторые вопросы немецкой этнографии//Сов. этнография. 1955. № 2. С. 54—65.

¹⁵ Об этом см.: Чебоксаров Н. Н. Основные этапы развития этнографии в Китае//Сов. этнография. 1959. № 6. С. 131.

терминов в немецком научном лексиконе. Едва ли всю этнографию в Китае периода до образования КНР в 1949 г. правомерно рассматривать как «китайскую этнографическую школу У. Вэньцзяо — Фэй Сяотуна» (с. 50). Кстати, оба эти действительно крупные ученые испытали на себе довольно сильное влияние функционализма¹⁶. Особняком стояли такие крупные китайские этнографы, как проф. Ян Чэнчи, возглавлявший факультет антропологии Университета им. Сунь Ятсена в Гуанчжоу, проф. Ян Кунь, проф. Ся Каннун, проф. Цю Пу и многие другие. Попутно замечу, что в таком анализе школ и методов в мировой этнографии, как в обсуждаемой статье, невозможно не говорить об этнографии Китая, Японии, Индии, Индонезии, становлении новых методов, новом понимании этнографии в социалистических странах. Марксистская этнография может существовать не только в СССР и социалистических странах, поэтому фразу «в странах социализма исторически сложились различные исследовательские традиции» (с. 39) едва ли можно считать достаточной, соответствующей характеру и целям статьи¹⁷.

В свое время в «Советской этнографии» прошла оживленная и плодотворная дискуссия по проблемам полевых исследований. Это был один из самых широких обменов мнениями, чувствовалось, что проблема по-настоящему острая, наиболее, равнодушных здесь не было. Я позволил себе тогда напомнить, что многократно и на протяжении значительного времени в соответствующих ситуациях давались щедрые обещания действительно решить проблему совершенствования методики полевых этнографических исследований¹⁸. Как важно это сделать сегодня в условиях перестройки! Ведь не ради красного словца, не для формальных отчетов она должна произойти и в науке, в том числе в этнографии. Это был бы наш ответ на требование жизни — определить, как мы должны работать сегодня, какой должна быть наша методика изучения этнографических аспектов современности. Кстати, редакция журнала, завершая упоминавшуюся выше дискуссию, поддержала идею совершенствования методик полевых исследований. В частности, отмечалось: «Участники дискуссии справедливо говорили о необходимости проведения серии совещаний (всесоюзных и, разумеется, до этого республиканских и региональных), которые помогли бы всесторонне обсудить принципы разработки планов полевых исследований на ближайшее будущее... Весьма целесообразно было бы подумать о тщательном согласовании создаваемых в центре и на местах программ и вопросников, чтобы обеспечить сопоставимость получаемых материалов»¹⁹. После дискуссии прошло около двух лет, а воз и ныне там. Невольно вспоминаются слова одного из персонажей бессмертной комедии А. С. Грибоедова: «Шумим, братцы, шумим...».

В статье неоднократно говорится о средствах получения информации об этнических свойствах изучаемых объектов, о полевых исследованиях, о методе непосредственного наблюдения, о роли стационара и т. д. Эти вопросы обсуждались многократно, в том числе и на страницах «Советской этнографии», причем метод непосредственных наблюдений, изучения живых общественных явлений рассматривался как частный метод²⁰. У авторов обсуждаемой статьи не чувствуется опре-

¹⁶ Можно предположить, что деление этнографии на две части — родиноведение и общую этнографию, распространилось или могло иметь распространение вслед за Германией в тех странах, где были сильны представления об исключительности основного этноса. В качестве примера можно привести Японию.

¹⁷ См., например, *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 270—283. По итогам IX МКАЭН отмечалось: «Выступления ученых на теоретических секциях конгресса свидетельствовали о несомненном расширении влияния марксизма-ленинизма на этнографическую науку капиталистических стран», см. *Аверкиева Ю. П., Бромлей Ю. В.* IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук//Сов. этнография. 1974. № 1. С. 14.

¹⁸ *Решетов А. М.* [Обсуждение статей М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований]//Сов. этнография. 1985. № 6. С. 56—60.

¹⁹ От редакции//Сов. этнография. 1986. № 1. С. 70.

²⁰ *Маторин Н. М.* Указ. раб. С. 24.

деленного отношения к этому вопросу. Внеочередной выглядит констатация общей тенденции последних десятилетий, которая заключается в постепенном переходе от стационарной полевой работы к кратковременным групповым или индивидуальным поездкам, как справедливо отмечают авторы, «осуществляемым к тому же преимущественно в течение летнего сезона» (с. 32). Высоко оценивая опыт организации полевой работы этнографами «Ленинградской этнографической школы» (да, такая школа существовала в 1920—1930-е годы!)²¹, следует привлечь внимание к тому, что важной задачей этнографии как науки является разработка на современном уровне исследования методов систематизации, обобщения и анализа материала, полученного в поле, в архиве, в библиотеке и т. п.²² Необходимы методические разработки, помогающие в собирании и употреблении этнографического материала, особенно из смежных с этнографией наук, новое осмысление понятий «этнографический факт», «этнографический источник».

Очевидно, целесообразно было бы обменяться мнениями по этим вопросам. Мне представляется, что выяснение содержания понятия «этнографический источник» поможет и лучшей, более точной применительно к современным условиям интерпретации понятия «этнографический факт». В последние годы сделано немало в практическом плане для расширения понятия «этнографический источник». Благодаря работам С. С. Лисициан, Э. Х. Петросян, Ж. К. Хачатрян, М. Я. Жорницкой, Э. А. Королевой и др. в отечественной этнографии мы можем уверенно говорить о хореографическом искусстве как об этнографическом источнике²³. Но, к сожалению, мало привлекаются в качестве этнографического источника народная медицина, музыкальное искусство²⁴ и т. д. Этнографическим источником можно полагать любой источник, несущий в себе этнографическую информацию. Сам по себе источник может принадлежать истории, филологии, искусству, религии, архитектуре и т. д.²⁵ Этнограф может использовать выводы любых других наук как этнографический источник. Например, произведение изобразительного искусства — это источник для искусствоведения, но при соответствующем критическом подходе к нему он может быть и интересным этнографическим источником²⁶. В свое время много сделал для того, чтобы фотографию превратить в полноценный этнографический источник, С. М. Дудин²⁷.

В гуманитарных науках в последние годы усиливается интерес к проблеме исторического факта в широком смысле слова²⁸. Объектом изучения этнографии является этнос, поэтому любой факт, характеризующий жизнь и деятельность этноса, при критическом подходе через проверку другой информацией может быть использован как этногра-

²¹ Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии)//Сов. этнография. 1971. № 2. С. 134—145; *ее же*. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

²² Еще в начале 1930-х годов отмечалось, что «среди этнографов вообще чрезвычайно силен эмпирический подход к материалу» (См. Маторин Н. М. Указ. раб. С. 10).

²³ См. Карabanова С. Ф. Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как историко-этнографический источник. М., 1979; Жорницкая М. Я. Народное хореографическое искусство коренного населения северо-востока Сибири. М., 1983.

²⁴ В мировой этнографии можно найти примеры использования их как этнографического источника. См., например, Чекановска А. Музыкальная этнография. Методология и методика. М., 1983.

²⁵ Этнографическим источником может быть, например, почва. См. Лисициан Г. Н., Костюченко В. П. Почва как источник информации при изучении древнего земледелия (по материалам работ в аридных районах СССР в 1969—1973 гг.)//Сов. археология. 1976. № 1. С. 23—41.

²⁶ Решетов А. М. Произведения русских художников XVIII—начала XX в. как источник для изучения культуры и быта населения Петербурга (к постановке вопроса)//Старый Петербург Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 171—189.

²⁷ См. Бартольд В. В. Воспоминания о С. М. Дудине//Сборник МАЭ. Л., 1930. Т. IX. С. 348—353; Ольденбург С. Ф. Памяти С. М. Дудина//Там же. С. 353—357.

²⁸ См., например, Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.

фический факт. Явления производственного и общественного быта, в частности, можно рассматривать и как этнографические факты, если они выявляют этническую специфику, способствуют более полной и развернутой характеристике этнографического объекта. Важно установить достоверность факта. Например, для того чтобы свидетельством информатора стало этнографическим фактом, позволяющим делать обоснованные выводы, надо, чтобы это были одинаковые массовые свидетельства, а не одиночные показания. Этнографические факты — это совокупность взаимно проверенного материала в самом широком смысле этого слова. Чем более факт проверен, тем увереннее можно полагаться и на конечный результат этнографического исследования — выводы, которые целиком определяются использованием тщательно отобранных проверенных этнографических фактов.

Очень жаль, что в такой обобщающей статье не упомянута как область этнографической науки ее история. Этнографическая наука всегда будет признательна С. А. Токареву за его научный подвиг — создание серии работ по истории этнографии в нашей стране и за рубежом. Но достойно сожаления, что институт не ведет эту работу систематически, планомерно, целеустремленно. Каждая наука, если она хочет успешно развиваться, должна заниматься проблемами своей истории.

Можно было бы назвать много славных имен крупных русских и советских ученых, внесших крупный вклад в развитие этнографической науки своими трудами, способствовавших своей научно-организаторской деятельностью ее успешному функционированию. Как это ни парадоксально, но нет сколько-нибудь развернутых работ о В. В. Радлове, В. Г. Богоразе, П. Г. Богатыреве, С. Н. Быковском, Н. М. Маторине, И. Н. Винникове, А. А. Попове, С. П. Толстове, С. М. Абрамзоне, Н. А. Кислякове, В. Н. Чернецове, С. А. Токареве, М. Г. Левине, С. И. Руденко, Н. И. Воробьеве, Л. Н. Терентьевой, Г. М. Василевич, С. В. Иванове... К сожалению, этот список можно еще продолжить. В статье справедливо, например, обращается внимание на вклад в этнографию русского ученого С. М. Широкогорова, после революции оказавшегося в Китае. Можно предполагать, что появление китайского термина *цзутуань* в значении «этнос», употребленного, в частности, молодой китайской исследовательницей Ван Тунхуэй²⁹, трагически погибшей в экспедиции, произошло под влиянием, правда, не столько книг, изданных хотя и в Китае, но на русском языке, сколько под влиянием профессорско-преподавательской деятельности С. М. Широкогорова в Пекинском университете Цинхуа³⁰. Очень жаль, что до сих пор в науке нет ни одной статьи о научной деятельности этого крупного этнографа. Недостаточно вошло в отечественную науку открытие М. С. Долгоносовой (Бутиновой) о том, что теория «остатков» К. Д. Кавелина фактически предвосхитила учение Э. Тайлора, на что справедливо обращают внимание авторы статьи.

Завершая отклик, хочу сказать, что статья Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова не только дает суммарное представление о месте этнографии в системе общественных наук, ее школах и методах, но заставляет задуматься прежде всего о совершенствовании исследовательских рабочих методов этнографии как науки нашего времени.

²⁹ Ван Тунхуэй. Социальная организация хуаланьяо. Шанхай, 1936. С. 42 (на кит. яз.).

³⁰ В начале 1930-х годов по рекомендации известного китайского антрополога Ли Цзи С. М. Широкогоров (китайское имя Ши Луго) был приглашен на должность профессора факультета социологии и антропологии этого университета. Среди его учеников — многие китайские этнографы, социологи, антропологи, в том числе крупнейший китайский этнограф и социолог, известный общественный деятель проф. Фэй Сяотун.